

МОДЕРНИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ: ОРИЕНТАЦИЯ ПО НЕБЕСНЫМ СВЕТИЛАМ И ЧАСАМ

Станислав Сергеевич Петряшин

Российский этнографический музей
4/1 Инженерная ул., Санкт-Петербург, Россия
s-petryashin@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена трансформации сельских практик ориентации во времени по небесным светилам русских в процессе модернизации. Привлекаются опубликованные, архивные и полевые материалы (Средний Урал, 2015–2016 гг.). Смена основного темпорального ориентира сельской жизни (солнца в конце XIX в. на часы с 1920–1930-х гг.) привела к изменению структуры и конфигурации исследуемых практик, а также формы их взаимодействия с механическими часами. Показано, что практики ориентации во времени по небесным светилам не только и не столько вытеснялись механическими часами, сколько адаптировались к часовому времени (и связанным с ним формам дисциплинирования работы и досуга), способствовали его принятию и распространению.

Ключевые слова: сельское время, модернизация, небесные светила, измерение тени, часы.

Для ссылки: Петряшин С. Модернизация сельского времени: ориентация по небесным светилам и часам // Антропологический форум. 2017. № 34. С. 156–178.

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/034/petriashin.pdf>

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2017, NO. 34

MODERNIZATION OF RURAL TIME: ORIENTATION BY HEAVENLY BODIES AND CLOCKS

Stanislav Petriashin

The Russian Museum of Ethnography
4/1 Inzhenernaya Str., St Petersburg, Russia
s-petryashin@yandex.ru

Abstract: The article is devoted to the transformation of Russian rural time-reckoning practices based on observation of heavenly bodies in their interaction with clocks and clock-time in the process of modernization (end of 19th — 21st cc.). The study's sources consist of published and archival materials and also ethnographic materials collected in the Middle Ural region (2015–2016). The works of N. Elias, E. Thompson and T. Ingold were useful to formulate and analyze the structure of time-reckoning practices. The change of basic temporal reference point — from the sun in the 19th c. to clocks since the 20–30s of the 20th c. — has its effect, primarily, in mediation of astronomical rhythms and human activity by clock-time. Also, in the end of the 19th c. mechanical clocks were set with the sun, while in the 21st c. time-reckoning practices (based on observation of heavenly bodies) can be set with a clock. Shadow-measuring practices, which were used to determine clock-time, have been known in Russia since the 14th c. and can be valued as substantive agent of rural time modernization. The article shows that the time-reckoning practices in question were not only gradually displaced by mechanical clocks, but were also transformed and adapted to clock-time (and associated forms of labour and leisure disciplination), and contributed to its reception and expansion.

Keywords: rural time, modernization, heavenly bodies, shadow measuring, clocks.

To cite: Petriashin S., 'Modernizatsiya selskogo vremeni: orientatsiya po nebesnym svetilam i chasam' [Modernization of Rural Time: Orientation by Heavenly Bodies and Clocks], *Antropologicheskij forum*, 2017, no. 34, pp. 156–178.

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/034/petriashin.pdf>

Станислав Петряшин

Модернизация сельского времени: ориентация по небесным светилам и часам¹

Статья посвящена трансформации сельских практик ориентации во времени по небесным светилам русских в процессе модернизации. Привлекаются опубликованные, архивные и полевые материалы (Средний Урал, 2015–2016 гг.). Смена основного темпорального ориентира сельской жизни (солнца в конце XIX в. на часы с 1920–1930-х гг.) привела к изменению структуры и конфигурации исследуемых практик, а также формы их взаимодействия с механическими часами. Показано, что практики ориентации во времени по небесным светилам не только и не столько вытеснялись механическими часами, сколько адаптировались к часовому времени (и связанным с ним формам дисциплинирования работы и досуга), способствовали его принятию и распространению.

Ключевые слова: сельское время, модернизация, небесные светила, измерение тени, часы.

Введение

Практики ориентации во времени суток по небесным светилам были (и отчасти остаются) важной, но слабо изученной частью повседневности русского села. Мы предлагаем рассмотреть данные практики в контексте многоэтапной модернизации времени (конец XIX — XXI в.), выявить причины и характер их трансформаций.

Основными источниками служат полевые материалы, собранные в Красноуфимском районе Свердловской области (июль 2015 г., 15 информантов) и Кунгурском районе Пермского края (июль 2016 г., 20 информантов), материалы Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева, Астронимическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета, картотека Словаря русских народных говоров. Материалы Этнографического бюро содержат сведения о практиках ориентации во времени по солнцу на конец XIX в. по губерниям Европейской части России. Полевые записи автора содержат сравнительный

Станислав Сергеевич Петряшин

Российский
этнографический музей,
Санкт-Петербург
s-petryashin@yandex.ru

¹ Основные тезисы статьи были представлены на 5-й конференции «Антропология. Фольклористика. Социоллингвистика» (Санкт-Петербург, Европейский университет, 25–26 марта 2016 г.) и на международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Т.В. Станюкович (Санкт-Петербург, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 27–28 сентября 2016 г.).

материал по тем же практикам. Полевое исследование посредством интервьюирования проводилось в двух соседних районах Среднего Урала среди крестьянского и горнозаводского населения, потомков выходцев из северных и центральных районов Европейской части России, переселившихся (или переселенных) на Урал в XVII–XVIII вв. Полевые материалы и данные Этнографического бюро представляются сопоставимыми, так как каждый источник позволяет выделить один и тот же набор практик ориентации во времени по солнцу. Имеющиеся существенные различия едва ли могут быть объяснены географически. Картотека Словаря русских народных говоров содержит информацию о практиках ориентации во времени по звездам за период с середины XIX по конец XX в. со всей территории России. В Астрономической картотеке Уральского федерального университета находится крупное собрание материалов по народной астрономии, в том числе по способам определения времени по звездам за период с середины XX по XXI в. с территорий Русского Севера, Урала и Западной Сибири. Географические различия в исследуемом материале проявляются только на уровне астрономов (названий созвездий) [Рут 1987; 2010]; набор основных созвездий, используемых для ориентации во времени, и соответствующих практик во всех регионах один и тот же.

Вслед за Барбарой Адам модернизацию времени можно разложить на пять элементов: 1) создание часового времени; 2) коммодификация времени — время становится ресурсом, который можно продать и купить («время — деньги»); 3) компрессия времени — переживание убыстряющегося ритма жизни, интенсификация мобильности и коммуникации (за счет снижения временных издержек) вследствие технического прогресса; 4) контроль времени — дисциплинирование, регламентация жизни за счет всепроникающих расписаний; 5) колонизация времени: а) «мемориальный бум», рост знаний и осведомленности о прошлом, а также долгосрочное планирование и прогнозирование будущего, б) распространение западных представлений о времени (григорианский календарь, часовое время и др.) по всему миру и вытеснение локальных систем счета времени [Adam 2003]. Отметим, что именно создание часового времени, по мнению Б. Адам, стало толчком и фундаментом для остальных процессов модернизации времени.

Признание часов и часового времени одним из ключевых факторов модернизации времени направляет исследователей прежде всего на изучение технологической и социальной истории механических часов — базового инструмента для измерения времени эпохи модерна [Mumford 1934; Ле Гофф 2002; Landes 1983; Glennie, Thrift 2009; Birth 2012]. Также уделяется внима-

ние иным хронометрическим устройствам (солнечным, водяным, песочным часам и т.д.), существовавшим до механических часов и параллельно с ними. За пределами исследовательского интереса обычно остается судьба «традиционных» (укорененных в доиндустриальной культуре) практик ориентации во времени, в частности использующих небесные светила (солнце, звезды). Настоящее исследование, таким образом, призвано ответить на вопрос: как трансформировались сельские практики ориентации во времени по небесным светилам русских во взаимодействии с часами и часовым временем в процессе модернизации?

Под временем будет пониматься отношение, «которое группа людей как существ, биологически наделенных способностью к запоминанию и синтезу, устанавливает между двумя или более континуумами изменений, один из которых используется как система координат или измерительный стандарт для другого или других» [Elias 1992: 46]. Практика ориентации во времени в таком случае есть умелое установление соотношения между референциальным и определяемым ритмами. При этом между ними, как правило, располагаются промежуточные элементы, медиумы, необходимые для взаимоперевода и сопоставления этих ритмов.

Доминирование солнца и распространение часов (конец XIX — начало XX в.)

Масштабная модернизация сельского времени начинается с эпохи индустриализации в конце XIX — начале XX в., когда широким слоям населения стали доступны дешевые интерьерные («ходики») и в меньшей степени карманные часы. По материалам Этнографического бюро Тенишева, одновременно существовали селения, где часов практически не было («Часов нет почти ни у кого из крестьян» [Русские крестьяне 2008а: 49]) и где они уже бытовали в каждой семье («Почти в каждом крестьянском доме теперь можно встретить часы, или стенные, или карманные» [Русские крестьяне 2004: 242]). Нередко часы обнаруживались только у «весьма немногих более зажиточных крестьян» [Русские крестьяне 2010: 184], у отходников, работающих в городах, на фабриках [Русские крестьяне 2008б: 434].

Важнейшим ориентиром во времени для крестьян оставалось солнце. Часы же могли выполнять только декоративную функцию, служить символом достатка: «Хотя в некоторых домах часы исполняют роль определителя времени, но все-таки по большей части они являются украшением дома, чем определителем времени. Обыкновенно большая часть населения определяет время, приравливаясь более к солнцу, даже и те,

у которых есть часы» [Русские крестьяне 2008а: 468]. В афористичной форме эту же мысль передает пословица, записанная автором в Кунгурском районе: «Часы для басы, время знаем по солнышку»¹ [ПМА: 7]. Многие крестьяне не знали римских цифр, поэтому, даже имея часы, определяли время по солнцу и, сообразуясь с ним, назначали «время вставания, обеда, ужина, работ и отдыха» [Русские крестьяне 2004: 242]. Другой проблемой было отсутствие технической компетенции у многих крестьян, требуемой для поддержания часов в рабочем состоянии. Согласно корреспонденту Этнографического бюро, часы «служат плохим показателем времени, т.к. ни обращаться с ними надлежащим образом не умеют, ни поставить верно и вовремя; проверяются они только по полуденному солнцу, определение которого далеко не точно» [Русские крестьяне 2008а: 173]. Здесь стоит подчеркнуть зависимость в крестьянском быту исправности механических часов от практики ориентации во времени по солнцу. Связь неслучайная: повсеместно точность механических часов долгое время зависела от их регулярной настройки по полуденному солнцу, для чего использовались солнечные часы. Как отмечают П. Гленни и Н. Трифт, распространение механических часов было мощным стимулом для расширения производства и совершенствования солнечных часов [Glennie, Thrift 2009: 41]. Русским крестьянам солнечные часы были практически неизвестны.

Постепенно часы заняли определенную функциональную нишу. Солнце, как темпоральный ориентир, продолжало неоспоримо доминировать летом и на открытом воздухе. Зимой же часы стали вытеснять в качестве ведущего «хронометра» петуха и звезды: часы «приносят пользу только зимою, летом же на них даже не смотрят и даже оставляют незаведенными» [Русские крестьяне 2007в: 96]. Если у крестьян не было часов, то зимой они могли узнавать время, наблюдая за окнами соседей, у которых часы есть: «Если у тех гасят огни, значит пора ложиться, если засвечают, значит пора вставать» [Русские крестьяне 2006: 316]. Поскольку самыми распространенными были интерьерные часы, то и функционировали они преимущественно в пространстве жилища: «В нашей местности крестьяне в определении времени более всего руководятся солнцем, и по солнцу распределяют свою работу; но в домашнем обиходе руководствуются и часами» [Русские крестьяне 2008а: 468].

Доминирующее положение солнца в сельском времени определялось не столько ролью светила в практиках ориентации

¹ В немного отличающемся варианте эта пословица известна также русским старообрядцам Литвы: «Часы для красоты, а время по солнцу» [Новиков 2007: 425].

во времени, сколько настроенностью распорядка дня на суточное движение солнца (типичной для аграрных обществ). Рабочий день в крестьянской семье структурировался через систему *уповодов (упряжек, вытей)* — рабочих отрезков времени, разделенных приемами пищи и отдыхом [Бернштам 1985: 124]. Сопоставление времени завтрака, обеда и ужина крестьян со временем прохождения солнцем кардинальных точек своего движения (восход, полдень, заход, полночь) показывает, что в летнем распорядке дня они обычно совпадали, хотя строгого совпадения, конечно, не наблюдалось. Например: «Завтрак бывает вскоре после пробуждения от сна и приблизительно соответствует восходу солнца; обед бывает в полдень; паузна — в 4 часа, и ужин — около заката» [Русские крестьяне 2007б: 588]; «Встают и ложатся спать летом крестьяне тоже по солнышку, солнышко всходит и крестьяне встают, солнышко закатилось, а они начинают ложиться спать. Зимой встают и ложатся уже по привычкам» [Русские крестьяне 2007б: 662–663]. В зимнем распорядке дня наложение астрономических событий на систему приемов пищи выявляется только для обеда (в полдень) — завтрак и ужин могли отстоять от восхода и захода солнца примерно на 3–5 часов. Следует упомянуть также обычаи полдничанья и сумерничанья: «В полдень взрослые сидели, лежали, спали часа два, в сумерки сидели или лежали до наступления темноты» [Бернштам 1985: 128].

Какие же были практики ориентации во времени по солнцу? Конечно же, восход и заход солнца сами по себе служили целям ориентации во времени, но их наблюдение очевидно и не требует формирования специальных навыков, в то время как определение времени по солнцу в течение светового дня представляет собой некоторую задачу. Можно выделить три основных группы практик: время определялось 1) по положению света / тени в помещении, 2) наблюдением солнца на небе, 3) посредством измерения тени.

Во дворе и в избе ориентировались по положению света / тени: «В некоторых избах, стоящих окнами на юг, еще стариками на лавке, против окна, сделаны 3 зарубки, обозначающие время завтрака, обеда и паузина. “Вот, как дойдет солнышко до этой зарубки, пора завтракать, до этой — обедать, а до этой — паузинать”, — объяснил крестьянин. У иных “в завтрак солнышко доидет до этого сучка на лавке, а в обед вот станет ровень с этой щелью на полу”» [Русские крестьяне 2009: 240]; «Каждая баба хорошо знает, в которое окошко в избу ее солнышко светит в обед, на котором месте оно бывает в избе во время полдня, и где — в павжну» [Русские крестьяне 2007б: 662].

На открытом воздухе могли смотреть на высоту солнца над горизонтом и его положение относительно сторон света: «Прежде чем начать какое-нибудь дело, крестьянин посмотрит на солнце и скажет относительно времени что-нибудь, напр., “высоко еще, низко уже” и т.д., а потом уже и принимается за соответствующее дело. Обед, павжна, ужин также приноровлены к солнцу» [Русские крестьяне 2008а: 468]; «Солнушко на обедне стоит, когда солнце стоит между летом (югом) и стоком (востоком)» [СРНГ 2005: 270].

Вне помещения для ориентации во времени крестьяне также измеряли тень шагами: «Как стинь будет в семь шагов, значит и коров пора домой гнать» [Русские крестьяне 2007б: 445]. Вместе с тем в конце XIX в. измерение тени было единственной практикой ориентации во времени по солнцу, с помощью которой можно было узнать часовое время: «Час дня определяется по наблюдению тени. Пору дня определяют по упряжкам, — время от завтрака до обеда, от обеда до паужна, от паужна до ужина, так же и наблюдают и тенью от солнца» [Русские крестьяне 2007а: 503]; «Обед мерой определяют по солнцу (по тени, когда самая короткая тень; по тени узнают и часы приблизительно)» [Русские крестьяне 2005: 517].

Таким образом, в конце XIX в. часы активно «колонизировали» зимнее время и домашнее пространство. Но доминирующим темпоральным ориентиром, как на практике, так и в сознании крестьян, оставалось солнце.

Данный тезис находит дополнительное подтверждение при рассмотрении практик ориентации во времени по звездам. Наблюдала прежде всего положение на небе Большой Медведицы (Лось, Ложка), Пояса Ориона (Кичиги, Кишиги, Коромыслики), Плеяд (Уточье Гнездо, Васажары) и Венеры¹. Ориентации по звездам и солнцу функционально дополняли друг друга: «Жили по Кичигам. Летом — по солнцу, зимой — по Кичигам» [АК: 1991]². Как отмечалось, именно звезды (вместе с петухами) «отвечали» за определение времени ночью, зимой и, соответственно, были потеснены часами: «Часов не было, дак время определяли по петухам да по Кичигам, они как месяц вставали и заходили» [АК: 1987]; «[Кичиги. — С.П.] служат для определения ночного времени: если Кичиги стоят высоко, то, значит, по часам еще рано; если же они на западной стороне

¹ Планета Венера считалась у крестьян звездой («утренней» или «вечерней»). В дальнейшем изложении внимание будет уделено только созвездиям (Большая Медведица и Пояс Ориона) и звездному скоплению Плеяд, ради удобства совместно именуемым «созвездия» или «звезды».

² В ссылке (здесь и далее) цифры после «АК» и «КСРНГ» означают год записи информации. Орфография и пунктуация текстов приведены в соответствие с современными нормами русского языка.

горизонта, пора уже вставать» [КСРНГ: 1914]; «Коромыслики подходят, скоро светать будет, так и жили, ведь петухи другой раз не поют, а часов мы не понимали» [АК: 1989].

Анализ описаний и вербальных составляющих практик ориентации во времени по звездам позволяет выделить два типа. Первый тип включает в себя такие выражения, где определенное положение созвездия на небе служит указанием на некую работу, деятельность, которая в настоящем (или скором будущем) должна осуществляться. Например: «Петруха! Ставай, пора ехать по сено; петухи уже три раза пели, да Лось уж над головой» [КСРНГ: 1856]; «Ложка-то — самые нужные звёзды, по Ложке время определяли: как ручку повернёт — вставай, пора молотить!» [АК: 1989]. В выражениях второго типа положение созвездия указывает на время, выражаемое через отсылку к иному темпоральному ориентиру. В дореволюционных материалах таким ориентиром всегда выступал ритм солнца. Отсылки к кардинальным точкам его движения (закат, полночь, восход) и сопутствующим явлениям (утренняя и вечерняя заря) встречаются, однако, в источниках не только конца XIX — начала XX в., но и второй половины XX в.: «Главную роль у Лоси играет положение хвоста: вечером хвост “Лоси” бывает обращен к заходу солнца, а перед рассветом это созвездие хвостом поворачивается к восходу и тем дает знать, что пришло время вставать от сна» [Русские крестьяне 2008а: 468]; «Васажары перекатились, скоро светать начнет» [Ковалев 2002: 45]; «Петров Крест <...> показывает время, в полночь выходит, от него до утра шесть тоней ставили» [АК: 1989]. Вместе с тем в практиках ориентации во времени по звездам второй половины XX в. появляется новый темпоральный ориентир — часы.

Возвышение часов и замещение солнца (вторая четверть XX — XXI в.)

Внедрение часового времени в практики ориентации во времени отвечало потребностям сельской жизни СССР, претерпевшей масштабные социально-экономические преобразования во второй четверти XX в. Прежде всего это коллективизация сельского хозяйства, которая привела к сокращению работы в своем хозяйстве за счет работы в колхозе / совхозе, где дисциплинирование труда осуществлялось с помощью часового времени. С 1920—1930-х гг. время досуга начало структурироваться посредством новых медиа, культурных и образовательных институций, работавших по часам: радио, библиотек («изб-читален»), домов культуры, клубов, школ. Например, расписание работы радиоузла колхоза им. Мичурина Курской области в 1951 г.: «Радиоузел работает ежедневно с 6—9 утра

и с 7–12 час. вечера. В большие праздники и выборные дни радиоузел работает с 6–12 утра и с 4 веч. — 2 ночи. Передачи идут сообщения из г. Курска. Кроме того, по радио сообщают объявления, когда какая будет демонстрироваться картина, где состоится собрание и т.д.» [АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1072. Л. 25]. Важно было синхронизировать временные перспективы колхозников, у которых не всегда имела возможность свериться с часами. Такой объединяющий сигнал (подобный заводскому гудку) могли производить колоколом: «По свидетельству современника из крупного зернопроизводящего южного колхоза, крестьян будили звоном колокола в 5 ч. утра, через час они должны были собраться перед зданием правления, чтобы получить задания на день. <...> Как уже отмечалось ранее, колокол, созывавший колхозников на работу, зачастую был церковным колоколом, которому нашли новое применение после закрытия церквей в начале 30-х гг.» [Фицпатрик 2001: 163]. В колхозе им. Тимирязева Горьковской области в 1947 г. для регулярной трансляции часового времени использовали пожарный колокол: на краю селения находился «пожарный сарай с каланчей, на которой очередной дежурный каждые полчаса отбивает в колокол часы» [АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 974. Л. 10].

Наконец, в 1960-е гг. в сельской местности появились первые телевизоры, программа передач которых предполагала использование часового времени. Примерно в те же годы получили распространение наручные часы, первое время бывшие предметом гордости и зависти односельчан. Информантка вспоминает свою молодость в конце 1950-х гг.: «А так по солнышку. А где у колхозников были часы? Я только первую зарплату получила и купила часы. Ни у кого еще не было, знаешь, как модничала?!» [ПМА: 5].

Описанные выше процессы, результатом которых стало доминирование часового времени в сельской жизни, могут быть концептуализированы как модернизация времени. Стоит оговориться, что советский модернизационный проект в целом отличался от капиталистического («западного»), но были и общие родовые черты, и взаимовлияние [Дэвид-Фокс 2016]. Исходя из этого применение западных концепций модернизации времени к отечественному материалу представляется возможным и эвристичным.

Стоит обратиться к классическому труду Э. Томпсона [Thompson 1967]. Британским историком модернизация времени описывается как переход от природного, иррегулярного и человеческого времени с неразличением труда и отдыха (task orientation) в архаичных, аграрных обществах к искусственному коммодифицированному времени, управляемому часами и работой по

расписанию (time orientation), обществ современных. Если же вернуться к практикам ориентации во времени, то, по Томпсону, в первом случае референциальными ритмами являются природные циклы и длительности разных хозяйственных операций, бытовых дел, а во втором — часы. Определяли соответственно или порядок некоторых действий, или часовое время.

Важно, однако, строго разделять часы как устройство и часы как временную шкалу. Очевидно, что Томпсон не учел возможность определения часового времени не по часам, а по звездам или солнцу. Впрочем, его различие проблемной (task) и временной (time) ориентации остается эвристичным, хотя и требующим коррекции. Не стоит забывать, что при измерении времени в часах конечным определяемым ритмом все равно выступает некая деятельность, — время в быту не измеряется ради себя самого. Так, Т. Инголд, полемизируя с Томпсоном, справедливо указывает, что современные люди на фундаментальном уровне «бытия-в-мире» остаются такими же проблемно-ориентированными, как и люди «архаичных» обществ [Ingold 2000: 323–338]. Согласно британскому антропологу, часовое время является западной идеологической и институциональной оболочкой для практик, инструментом контроля и определения последовательности действий и выполняемых задач. Западное выделение работы с ее профессиональной обезличенностью из универсума социальной жизни (вымещенной в «досуг»), было неизвестно людям «архаичных» обществ. Таким образом, относительно практик определения времени смену проблемной ориентации на временную можно понимать как проникновение в них часового медиума (как промежуточного звена между референциальным ритмом небесных светил и определяемым ритмом бытовых дел, действий).

Из рассмотренного материала возникает еще одно возражение, истоки которого обнаруживаются в концепции «экологического времени» Э. Эванса-Причарда [Эванс-Причард 1985], на основе которой Томпсон сформулировал свое понимание проблемной ориентации. Природные, в частности астрономические, и социальные / трудовые ритмы объединяются Эвансом-Причардом в концепции экологического времени на том основании, что они используются для определения времени в рамках календарного года. Оно противопоставлено структурному времени, посредством которого ориентируются во времени, исчисляемом годами и десятилетиями. Томпсон выстраивает другую логику и противопоставляет «естественное» экологическое время (проблемную ориентацию) «искусственному» часовому (временной ориентации), что отражает европоцентрический, «колониальный» западный взгляд на время.

Ввиду наличия множества «гибридных» практик, где небесные светила переплетаются с часами и часовым временем, смешение астрономических ритмов с социальными / трудовыми представляется ошибочным. Для целей настоящего исследования будет плодотворно, напротив, противопоставить трудовым ритмам астрономические и часовые.

Анализ способов определения времени по звездам потребовал более тонкого различения между описаниями практик, где в одном случае определяется время действия, а в другом — время астрономических событий (закат солнца, полночь, восход). При этом на уровне практики (а не описания) солнечный ритм выступает в качестве медиума, связующего звена, опосредующего соотношение созвездия на небе и действия. Часовое время в материалах второй половины XX в. вытесняет солнце именно с этой позиции медиума: «Раньше по Кишигам жили. Как три звездочки встанут вдоль дороги, так двенадцать часов» [АК: 1974]; «Уточье Гнездо было, эк изогнулось, время узнавали, чтобы встать утром в шесть часов, Уточье Гнездо надо быть на шелонике» [АК: 1992].

Приведенные рассуждения стоит пояснить. В действительности об одной и той же практике можно сказать тремя различными способами или, наоборот, увязать их в одном высказывании, например: «Кичиги высоко» — значит «скоро заря» / «шесть часов» / «пора вставать молотить». Важно то, что человек может (или не может) ассоциировать положение созвездия на небе с ходом солнца и / или часовым временем (это является достаточно абстрактным знанием, свободным от ограниченного контекста некой конкретной ситуации, например молотьбы). Такое знание, требующее наличия в практике абстрактного медиума, позволяет человеку с помощью уже известной практики начать регулировать любую другую деятельность, протекающую в то же время суток. Данный эффект возможен потому, что распорядок дня — длительность и последовательность разных хозяйственных операций, бытовых дел — был настроен и скоординирован относительно хода солнца и / или часов (в разные исторические периоды).

Если в конце XIX в. часы определялись только измерением тени, то во второй половине XX в. часовой медиум проник во все практики ориентации во времени по солнцу. Отметим, что практика наблюдения положения солнца на небе, согласно полевым исследованиям на Урале, остается актуальной и в настоящее время:

Соб.: По солнцу ориентировались во времени?

Инф.: Смотришь — ага, в зените, так дело часа 2 может быть. Потом начинает уходить — ага 3, 4 вот, примерно так [ПМА: 4].

Инф.: *Всю жизнь время определяю по солнцу. Вот [показывает на солнце] — минут двадцать первого сейчас. <...>*

Соб.: *И если солнце к этому Камню подходит, значит сколько времени?*

Инф.: *Ну это два часа. Ну, полтретьего скорее всего.*

Соб.: *А если вот там восходит за теми холмами?*

Инф.: *Восток. Там поднимается в семь часов, в полседьмого появляется из-за горы [ПМА: 3].*

Также многие люди продолжают ориентироваться во времени, отслеживая место проникновения и падения солнечных лучей внутри дома, двора:

Соб.: *Можете ли вы определить время по солнцу в помещении?*

Инф.: *В одно время солнце светит в одно окно, потом в другое. В 12 часов там в те окна, в три, в четвертом солнышко уже в это окно повернется [ПМА: 6].*

Относительно практик измерения тени можно сказать, что в исследуемых селениях они перестали функционировать примерно к 1960-м гг. Большинство информантов моложе 70 лет уже не знают такого способа определить время. Людям старшего возраста приходилось измерять тень только в детстве или юности. Вместе с тем удалось записать такой метод, который ранее в известных источниках не встречался. Это измерение тени пальцами:

Инф.: *Вот берешь веточку какую-нибудь с палец [безымянный], отломилшь ее, потом тоже по солнцу зажимаешь ее сюда [между безымянным пальцем и мизинцем] вот и — сколько пальцев она [тень] дает?*

Соб.: *Каждый палец это сколько времени?*

Инф.: *Час.*

Соб.: *А сколько пальцев в полдень получалось?*

Инф.: *Один, в зените солнце, так тень-то ведь маленькая, один палец. Летом-то в лес идешь, часов-то не было, определяли так [ПМА: 1].*

Влияние часов на практики ориентации во времени по небесным светилам не ограничивается внедрением медиума часового времени. Как отмечалось выше, в конце XIX в. настройка механических часов могла производиться по полуденному солнцу. Заметим, что аналогичным образом и практика определения времени по положению света / тени в пространстве дома могла потребовать предварительной настройки при помощи наблюдения высоты солнца в полдень: «Крестьянин летом обыкновенно встает с восходом солнца и ложится вскоре после заката его; он подмечает, через которое из окон его избы падает на пол солнечный луч; затем по самому высокому положению солнца на небе

он может всегда определить полдень и также замечает по месту падения солнечных лучей в избе полуденное время; затем на основании этих двух данных он может всегда приблизительно сказать, много ли прошло времени с солнцевосхода и сколько осталось до полудня; определяется это местом нахождения падающих лучей от этих двух пунктов, так же определяется время и от полдня до заката» [Русские крестьяне 2007б: 587]. В XXI в. для установления соответствия между положением света / тени в пространстве и временем обращаются к часам: «Вот сейчас во дворе сижу там, без ног, сижу там на диване, а солнышко мне во двор светит, я засекаю время — ага, вон оно где, тут тень-то, тень-то, ага, значит 12, погляжу на часы — верно, 12, вот я уже засек. И теперь без часов уж, как по солнышку. По падению ее я уже и примерно знаю сколько» [ПМА: 4].

Вычисление времени и измерение тени

Среди описанных трех типов практик ориентации во времени по солнцу особое положение занимает измерение тени. В частности, только этим способом уже в конце XIX в. определяли время в часах. Этому типу практик следует уделить особое внимание, так как, отслеживая историю его трансформаций, можно выйти за нижний хронологический рубеж исследования (конец XIX в.) и осветить новые аспекты модернизации сельского времени.

Первое упоминание о счете времени посредством измерения тени встречается в псковском календаре XIV в. [Латышев, Свирилова, Симонов 1983]. В нем содержится таблица, где каждому часу дня (в средневековой системе 12 «косых» часов) соответствует определенная длина тени в стопах на 12 месяцев. В системе «косых» часов день и ночь всегда делятся на 12 часов, причем летом дневной час получается более длинным, чем ночной, зимой — наоборот. Измерение тени для ориентации во времени описывается и в грамоте о пасхалиях с фрагментом о часах XV в.: «Если хочешь легко узнать передвижение по одному часу каждого дня месяца, осторожно отметь на своей тени (место), где находится верх головы. Измеряй свою тень своими ногами: одну стопу по одной — сколько стоп на каждый час. Так, более 12 (стоп в полдень) тень не имеет» [Симонов 2004: 338]. Основной целью подобных практик в среде книжников и грамотных людей, вероятно, было знание литургических часов.

Таким образом, если предположить историческую преемственность анализируемых практик, то измерение тени изначально было направлено на часовое время. Это заставляет скорректировать принятый выше тезис Томпсона об эпохальной смене проблемной ориентации на временную, поскольку он несколько

ко упрощает действительность и игнорирует разнонаправленность процессов [Glennie, Thrift 1996]. Дело в том, что в конце XIX в. и в первой трети XX в. известны, казалось бы, «архаичные» проблемно-ориентированные варианты практик измерения тени, в которых нет часового медиума, например: «Как стинь будет в семь шагов, значит и коров пора домой гнать» [Русские крестьяне 2007б: 445]; «Время мы измеряли “лаптями”. Делалось это так. Становишься спиной к солнцу и на какой-нибудь былинке засекаешь свою тень, а потом пяткой к носку — раз, пяткой к носку — два, измеряешь сапогами длину своей тени. Примерно на четырнадцатом “лапте” стадо надо было поворачивать в сторону деревни» [Федоров 1973: 37]. В свете изложенного эта «архаика» оказывается вторичной. Тем не менее на материале XIX–XX вв. эволюционная дихотомия Томпсона продолжает работать, объясняя исчезновение проблемно-ориентированного измерения тени к середине XX в., когда все практики ориентации во времени по солнцу стали измерять часовое время.

Важно отметить, что измерение тени в XIX–XX вв. служило определению уже равных часов, а не «косых». Истоки этой трансформации обнаруживаются в средневековых городах и крупных монастырях, где с XV в. появляются первые часы, отбивающие равные часы длительностью 60 минут. Но только «реформа часа» Петра I (1706) на государственном уровне утвердила переход на европейскую систему нераздельного счета часов [Болтунова 2006: 85–86].

По П. Гленни и Н. Трифту, смена «косых» часов равными знаменует переход от наблюдаемого времени к вычисляемому, искусственному (система косых часов имеет внешний референт — движение солнца, в отличие от равных часов) [Glennie, Thrift 2009: 25–26]. Система «косых» часов зависела от солнца как доминирующего темпорального ориентира. Однако с точки зрения рядового пользователя сделанное П. Гленни и Н. Трифтом различие наблюдаемого и вычисляемого времени не работает: как сложности наблюдения за солнцем в небе (в случае солнечных, «пастушьих» часов и др.), так и трудности равномерного измерения длительностей (в случае механических, водяных, песочных часов) делегируются разного рода когнитивным артефактам. Считывание времени с них не предполагает никаких вычислений ввиду наличия стрелки и циферблата (мог потребоваться только счет количества ударов курант), знание устройства также не требуется. Вспомним, что и средневековый способ измерения тени включал использование когнитивного артефакта — записанной на бумаге таблицы соответствий числа стоп и часов. В данном контексте высвечивается отличительная черта сельских практик измерения

тени — ввиду отсутствия специализированных когнитивных артефактов (хронометров) и неграмотности калькуляция (часового) времени интернализировалась.

Здесь обнаруживается существенная разница между практиками измерения тени, имеющими часовой медиум или не имеющими его. Проблемно-ориентированные практики измерения тени включали в себя только счет шагов или пальцев, где определенное их число соотносится с неким действием. Относительно практик, присущих временной ориентации, ситуация сложнее — фиксируются как простые варианты, в которых количество шагов уравнивается с количеством часов, так и сложные варианты, в которых производится несколько арифметических действий.

Простой вариант хорошо иллюстрирует один «кейс» из полевого исследования. Информантка, вероятно, плохо помнит, как она в юности ориентировалась во времени, измеряя тень, и совершает систематическую ошибку, например: «Вот на полевых работах там по солнцу все. А это [измерять шагами] так... [машет рукой] но сходилось. Вот если 12 часов — длинная тень, 2 часа короткая тень, 6 часов подлиннее немножко» [ПМА: 5]. Ошибка информантки отражает простой прием расчета времени по тени — сколько шагов, столько часов. Этот принцип работает только с 1–2 часов дня, утром же до полудня строго наоборот, уменьшающаяся тень соответствует увеличивающемуся числу часов (до 12 включительно). Информантка переворачивает этот принцип и получает «сколько часов, столько шагов» (длина тени). Поэтому в 12 часов, например, «длинная тень», хотя в реальности ее длина равна таковой в 2 часа дня, когда «короткая тень».

Сложный вариант практики ориентации во времени посредством измерения тени включает в себя несколько арифметических операций — надо было посчитать общую длину тени и вычесть из нее полуденную длину тени. Соответственно, количество шагов не было равно количеству часов. Пример из полевых материалов: «А мне надо знать, а часов-то не было в то время. Вот тень, встаешь и начинаешь [шагает пяткой к носку] вот раз, два, три — три это около часу. Там больше — там высчитываешь. Вот как определяли» [ПМА: 2]. Согласно весьма подробному описанию корреспондента из Вологодской губернии, «способ заключается в следующем: крестьянин знает, что во время полдня бывает самая короткая тень (длина тени от предмета в это время точно соответствует длине того самого предмета, от которого падает данная тень) и затем чем больше проходит времени от полдня до заката, тем тени начинают все более и более удлиниться, и, наконец, при закате солнечном

тени принимают самые длинные почти фантастические размеры. Для определения времени от полдня до солнечного заката определяют число шагов своей собственной тени от полдня до конца тени во время заката, а затем это число делят на 9; если длина тени 9 шагов, то число часов будет определяться числом шагов в данный час; напр., в 2 часа длина тени будет на 2 шага больше длины собственного роста, в 5 часов — 5 шагов и т.д.» [Русские крестьяне 2007б: 587–588]. Данная практика была функциональной, когда световой день удобно делился на 18 отрезков (9 до полудня и 9 после), что приблизительно соответствует маю-июлю с их короткими ночами.

Необходимость подобным образом рассчитывать время в быту сближает практики измерения тени с товарно-денежными отношениями — основной сферой вычислений в дореволюционном русском селе. В сакральной сфере имел место счет, но не было вычисления [Толстая 2002; Богданов 2004; Топоров 2005]. При производстве арифметических расчетов (независимо от того, что считается) иные крестьяне оперировали не абстрактными числами, а ментальными репрезентациями монет: «Несколько крестьян сознавались: “Чего бы я ни считал, а на уме все гривенники да копейки держу, так ничто и сосчитаю”, т.е. что они производят комбинации не с отвлеченными числами, а с соответствующим им числом конкретных предметов, гривенников (десятков) и копеек (единиц)» [Русские крестьяне 2009: 234]. В этой перспективе процедура калькуляции времени, включаемая в «сложные» варианты практики измерения тени, использовала навыки и образы, сформированные в товарно-денежных отношениях, и тем самым могла косвенным образом способствовать коммодификации времени.

Заключение

В конце XIX в. солнце являлось основным темпоральным ориентиром в сельской местности. Вместе с тем начали распространяться интерьерные часы, постепенно «колонирующие» зимнее и домашнее время крестьян. Политика модернизации села (коллективизация, механизация, радиофикация и т.д.) привела к главенству часов и часового времени как инструментов контроля и темпоральной координации действий.

Практики ориентации во времени по небесным светилам не просто постепенно вытеснились использованием часов, но и адаптировались к новым условиям, изменяя свою структуру. Важнейшим эффектом модернизации стало внедрение часового медиума, опосредующего координацию астрономических ритмов и человеческой деятельности. В случае ориентации по звездам часы заняли место солнца.

В XIX в. механические часы настраивались по солнцу, т.е. практики ориентации во времени по солнцу были условием функциональности часов. В XXI в. ситуация стала отчасти обратной, и уже практики ориентации во времени по солнцу настраиваются по часам. В этом ракурсе солнце и часы уже не столько элементы разных практик, жизненных стилей, сменяющихся проблемной и временной ориентаций, сколько взаимодополняющие инструменты, которые расширяют возможности людей.

Изменилась и бытующая конфигурация практик ориентации во времени — к настоящему моменту некоторые практики неизвестны даже пожилым людям. Так, определение времени по звездам, за одним исключением, уже неизвестно опрошенным информантам, в Астрономическую картотеку описания таких практик с середины 1990-х гг. также не поступали (за исключением тех, которые относятся к Венере). Согласно полевым материалам, в 1960-е гг. отошло в прошлое определение времени посредством измерения тени. Большая жизнеспособность других практик ориентации во времени по солнцу, бытующих до сих пор, заслуживает объяснения. Как представляется, причиной может являться тот факт, что определение времени по положению солнца на небе или света / тени в помещении не требует обязательного эксплицитного обучения, инструктирования, механизма традиции. Это во многом индуктивное знание. Ряд информантов утверждает, что эти навыки были ими обреты самостоятельно. В данном случае, вероятно, играет свою роль естественное стремление людей к «одомашниванию» окружающего жизненного пространства, его освоению через надделение смыслом и функцией. Впрочем, эта проблема заслуживает отдельного рассмотрения.

Как показывает историческое исследование практик измерения тени, модернизация сельского времени — процесс сложный, некоторые элементы которого тянутся с самого начала Нового времени. Все рассмотренные практики измерения тени, вероятно, возникают вследствие упрощения «книжного» метода, известного по средневековым письменным источникам, в среде сельского неграмотного населения. Проблемно-ориентированный тип предстает его упрощением и адаптацией к аграрному, «патриархальному» чувству времени и традиционным практикам ориентации во времени, не знавшим часовой шкалы. Практики с временной ориентацией как источники вычисляемого часового времени также являлись фактором модернизации времени. Измерение тени позволяло крестьянам, не имевшим часов, не умевшим ими пользоваться или находившимся от них далеко, успешно взаимодействовать с институтами и категориями людей, уже живших по часовому времени. В этом ракурсе практики измерения тени подготовили

почву для экспансии часовых механизмов, которым они окончательно уступили место в 1960-х гг.

Все рассмотренные в этой работе практики ориентации во времени по небесным светилам, несмотря на выраженную индивидуальность, обладают также несомненным сходством в исторических судьбах, характере трансформаций в процессе модернизации. Они отразили социально-экономические преобразования, изменившие облик русского села за последние полтора века. В целом прослеженные трансформации практик ориентации во времени по небесным светилам позволяют говорить о высокой адаптивности сельской «традиционной» культуры: по мере освоения часов и часового времени люди предпочитали не отбрасывать данные практики, но изменять их и приспособлять к новым условиям. Описанные практики не только испытали влияние часового времени, но и оказались средой, в которой оно смогло успешно функционировать. Иными словами, экспансия и быстрое распространение часового времени (а также связанных с ним новых форм дисциплинирования труда и досуга) должны объясняться также тем, что сельские жители могли узнавать часовое время, сверяясь как с механическими часами, так и с небесными светилами посредством соответствующих практик.

Одним из итогов данной работы является пересмотр и развитие концепции модернизации времени Э. Томпсона применительно к практикам определения времени. Разница между практиками проблемной и временной ориентации наблюдается не в референциальных и определяемых ритмах (в обоих случаях это могут быть небесные светила и действия). Ключевое отличие заключается в наличии или отсутствии абстрактных медиумов между референциальными и определяемыми ритмами и их качестве (солнечный ритм при наблюдении звезд в проблемной ориентации, часовое время — во временной). Модернизация времени не обладает жесткой дискретностью: временная ориентация скорее надстраивается поверх проблемной, не только вытесняя вторую на периферию социальной жизни, но и трансформируя ее элементы под свои задачи, включая их в свою систему.

Список сокращений

- АК — Астронимическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (Екатеринбург)
АРЭМ — Архив Российского этнографического музея (Санкт-Петербург)
КСРНГ — картотека Словаря русских народных говоров Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)

ПМА — полевые материалы автора
 СРНГ — Словарь русских народных говоров

Архивные материалы

- АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 974. План и отчет о командировке н. сотр. Л. Тазихиной в Новгородскую, Калининскую, Московскую и Горьковскую области с 19 июля по 29 августа 1947 г. по собиранию этнографического материала для экспозиции «Этнография русского народа». 1947 г.
- АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1072. Отчет Т.С. Вязовской о поездке в Курскую область для изучения быта колхозников в 1951 г. 1951 г.

Источники

- [Новиков] Фольклор старообрядцев Литвы. Т. 1: Сказки. Пословицы. Загадки / Изд. подгот. Ю. Новиков. Вильнюс: Изд-во Вильнюс. педагог. ун-та, 2007. 570 с.
- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. СПб.: Деловая полиграфия, 2004. Т. 1: Костромская и Тверская губернии. 568 с.
- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. СПб.: Навигатор, 2006. Т. 2: Ярославская губерния. Ч. 2. Даниловский, Любимский, Романово-Борисоглебский, Ростовский и Ярославский уезды. 551 с.
- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. СПб.: Деловая полиграфия, 2005. Т. 3: Калужская губерния. 647 с.
- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. СПб.: Деловая полиграфия, 2007а. Т. 5: Вологодская губерния. Ч. 1. Вельский и Вологодский уезды. 623 с.
- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. СПб.: Деловая полиграфия, 2007б. Т. 5: Вологодская губерния. Ч. 2. Грязовецкий и Кадниковский уезды. 839 с.
- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. СПб.: Деловая полиграфия, 2007в. Т. 5: Вологодская губерния. Ч. 3. Никольский и Сольвычегодский уезды. 683 с.
- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. СПб.: Деловая полиграфия, 2008а. Т. 5: Вологодская губерния. Ч. 4. Тотемский, Устьсыольский, Устюжский и Яренский уезды. 807 с.
- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. СПб.: Деловая полиграфия, 2008б. Т. 6: Курская, Московская, Олонечская, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. 600 с.

- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. СПб.: Навигатор, 2010. Т. 7: Новгородская губерния. Ч. 1. Белозерский, Боровичский, Демянский, Кирилловский и Новгородский уезды. 504 с.
- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. СПб.: Навигатор, 2009. Т. 7: Новгородская губерния. Ч. 3. Череповецкий уезд. 568 с.
- Рут М.Э. Словарь астрономов. Звездное небо по-русски. М.: АСТ-Пресс книга, 2010. 288 с.
- Словарь русских народных говоров. СПб.: Наука, 2005. Вып. 39. Сметушка — Сопочить. 342 с.

Библиография

- Бернштам Т.А.* Будни и праздники в русской крестьянской среде (XIX — начало XX в.) // Байбурин А.К. (ред.). Этнические стереотипы поведения. Л.: Наука, 1985. С. 120–147.
- Богданов К.А.* Счет как текст в фольклоре // Русский фольклор. СПб.: Наука, 2004. Т. 32. С. 162–171.
- Болтунова Е.М.* «Новое время»: реформа летоисчисления и категория времени в период царствования Петра I // Календарно-хронологическая культура и проблемы ее изучения: к 870-летию «Учения» Кирика Новгородца: Материалы науч. конф., Москва, 11–12 декабря 2006 г. / Отв. ред. Р.А. Симонов. М.: РГГУ, 2006. С. 80–86.
- Дэвид-Фокс М.* Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная или переплетенная? // Новое литературное обозрение. 2016. № 4 (140). <<http://magazines.russ.ru/nlo/2016/4/modernost-v-rossii-i-sssr-otsutstvuyushaya-obshaya-alternativna.html>>.
- Ковалев Г.Ф.* Народная астрономия в говорах русского и украинского пограничья (Воронежская область) // Вестник Воронежского государственного университета. Гуманитарные науки. 2002. № 2. С. 39–53.
- Латышев И.Н., Свирлова А.К., Симонов Р.А.* Анализ астрономических данных псковского календаря XIV в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1983. Т. 37. С. 184–187.
- Ле Гофф Ж.* Другое средневековье: время, труд и культура Запада / Пер. с франц. С.В. Чистяковой и Н.В. Шевченко под ред. В.А. Бабинцева. 2-е изд., испр. Екатеринбург: Изд-во Урал ун-та, 2002. 328 с.
- Рут М.Э.* Русская народная астрономия: Учебное пособие. Свердловск: УрГУ, 1987. 68 с.
- Симонов Р.А.* Сакрализация времени на Руси // Древнерусская космология. СПб.: Алетейя, 2004. С. 316–359.
- Толстая С.М.* Счет и число в народной традиции: семантика, оценка, магия // Семиотика и информатика. Вып. 37. М.: ВИНТИ РАН, 2002. С. 43–58.

- Топоров В.Н.* Числовой код в заговорах (по материалам сборника Л.Н. Майкова «Великорусские заклинания») // Свешникова Т.Н. (отв. ред.). Заговорный текст: генезис и структура. М.: Индрик, 2005. С. 194–246.
- Федоров В.Д.* Наше время такое... О поэзии и поэтах. М.: Современник, 1973. 512 с.
- Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: РОССПЭН, 2001. 424 с.
- Эванс-Причард Э.Э.* Нуэры: описание способов жизнеобеспечения и политических институтов одного из нилотских народов. М.: Наука, 1985. 243 с.
- Adam B.* Reflexive Modernization Temporalized // *Theory, Culture & Society*. 2003. Vol. 20. No. 2. P. 59–78.
- Birth K.K.* Objects of Time: How Things Shape Temporality. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2012. 211 p.
- Elias N.* Time: An Essay. Oxford: Blackwell, 1992. 216 p.
- Glennie P., Thrift N.* Reworking Thompson's Time, Work-Discipline and Industrial Capitalism // *Time & Society*. 1996. Vol. 5. No. 3. P. 275–299.
- Glennie P., Thrift N.* Shaping the Day: A History of Timekeeping in England and Wales 1300–1800. Oxford: Oxford University Press, 2009. 456 p.
- Ingold T.* The Perception of the Environment: Essays in Livelihood, Dwelling, and Skill. L.: Routledge, 2000. 465 p.
- Landes D.S.* Revolution in Time: Clocks and the Making of the Modern World. Cambridge: Harvard University Press, 1983. 482 p.
- Mumford L.* Technics and Civilization. N.Y.: Harcourt, Brace & Company, 1934. 495 p.
- Thompson E.P.* Time, Work-discipline and Industrial Capitalism // *Past and Present*. 1967. No. 38. P. 56–97.

Список информантов

1. Ярунин Л.И., 1930 г.р., запись от 14.07.2015, с. Нижнеиргинск, Красноуфимский р-н Свердловской обл.
2. Суворов А.Ф., 1936 г.р., запись от 18.07.2015, с. Нижнеиргинск, Красноуфимский р-н Свердловской обл.
3. Сельнихин П.Е., 1954 г.р., запись от 18.07.2015, с. Нижнеиргинск, Красноуфимский р-н Свердловской обл.
4. Малафеев Л.В., 1929 г.р., запись от 26.07.2015, с. Нижнеиргинск, Красноуфимский р-н Свердловской обл.
5. Тамбовцева Л.Н., 1939 г.р., запись от 19.07.2016, с. Калинино, Кунгурский р-н Пермского края.
6. Онкудинов Н.А., 1942 г.р., запись от 21.07.2016, с. Калинино, Кунгурский р-н Пермского края.
7. Мозжегорова З.И., 1941 г.р., запись от 26.07.2016, с. Кыласово, Кунгурский р-н Пермского края.

Modernization of Rural Time: Orientation by Heavenly Bodies and Clocks

Stanislav Petriashin

The Russian Museum of Ethnography
4/1 Inzhenernaya Str., St Petersburg, Russia
s-petryashin@yandex.ru

The article is devoted to the transformation of Russian rural time-reckoning practices based on observation of heavenly bodies in their interaction with clocks and clock-time in the process of modernization (end of 19th — 21st cc.). The study's sources consist of published and archival materials and also ethnographic materials collected in the Middle Ural region (2015–2016). The works of N. Elias, E. Thompson and T. Ingold were useful to formulate and analyze the structure of time-reckoning practices. The change of basic temporal reference point — from the sun in the 19th c. to clocks since the 20–30s of the 20th c. — has its effect, primarily, in mediation of astronomical rhythms and human activity by clock-time. Also, in the end of the 19th c. mechanical clocks were set with the sun, while in the 21st c. time-reckoning practices (based on observation of heavenly bodies) can be set with a clock. Shadow-measuring practices, which were used to determine clock-time, have been known in Russia since the 14th c. and can be valued as substantive agent of rural time modernization. The article shows that the time-reckoning practices in question were not only gradually displaced by mechanical clocks, but were also transformed and adapted to clock-time (and associated forms of labour and leisure disciplination), and contributed to its reception and expansion.

Keywords: rural time, modernization, heavenly bodies, shadow measuring, clocks.

References

- Adam B., 'Reflexive Modernization Temporalized', *Theory, Culture & Society*, 2003, vol. 20, no. 2, pp. 59–78.
- Bernshtam T. A., 'Budni i prazdniki v russkoy kretyanskoy srede (XIX — nachalo XX v.)' [Weekdays and Holidays in Russian Peasant Milieu (XIXth — beginning of the XXth c.)], Baiburin A. K. (ed.), *Etnicheskie stereotipy povedeniya* [Ethnic Behavioral Stereotypes]. Leningrad: Nauka, 1985, pp. 120–147. (In Russian).
- Birth K. K., *Objects of Time: How Things Shape Temporality*. New York: Palgrave Macmillan, 2012, 211 pp.

- Bogdanov K. A., ‘Schet kak tekst v folklore’ [Count as a Text in Folklore], *Russkiy folklor* [Russian Folklore]. St Petersburg: Nauka, 2004, vol. 32, pp. 162–171. (In Russian).
- Boltunova E. M., “Novoe vremya”: reforma letoischisleniya i kategoriya vremeni v period tsarstvovaniya v period tsarstvovaniya Petra I’ [“New Time”: Reform of Chronology and Time Categories during the Reign of Peter the Great], *Kalendarно-khronologicheskaya kultura i problemy ee izucheniya: k 870-letiyu “Ucheniya” Kirika Novgorodtsa: materialy nauchnoy konferentsii, Moskva, 11–12 dekabrnya 2006 g.* [Calendar-Chronological Culture and Problems of Its Study: To the 870 anniversary of “Ucheniye” of Kirik the Novgorodian: Materials of Scientific Conference. Moscow, December 11–12 2006]. Moscow: RGGU, 2006, pp. 80–86. (In Russian).
- David-Fox M., ‘Modernost v Rossii i SSSR: otsutstvuyushchaya, obshchaya, alternativnaya ili perepletennaya?’ [Russian-Soviet Modernity: None, Shared, Alternative, or Entangled?], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2016, no. 4 (140). <<http://magazines.russ.ru/nlo/2016/4/modernost-v-rossii-i-sssr-otsutstvuyushaya-obshchaya-alternativna.html>>. (In Russian).
- Elias N., *Time: An Essay*. Oxford: Blackwell, 1992, 216 pp.
- Evans-Prichard E. E., *The Nuer. A Description of the Modes of Livelihood and Political Institutions of a Nilotic People*. Oxford: Clarendon Press, 1940, 271 pp.
- Fedorov V. D., *Nashe vremya takoe... O poezii i poetakh* [Our Time is Such... About Poetry and Poets]. Moscow: Sovremennik, 1973, 511 pp. (In Russian).
- Fitzpatrick S., *Stalin’s Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization*. Oxford: Oxford University Press, 1994, 386 pp.
- Glennie P., Thrift N., ‘Reworking Thompson’s Time, Work-Discipline and Industrial Capitalism’, *Time & Society*, 1996, vol. 5, no. 3, pp. 275–299.
- Glennie P., Thrift N., *Shaping the Day: A History of Timekeeping in England and Wales 1300–1800*. Oxford: Oxford University Press, 2009. 456 pp.
- Ingold T., *The Perception of the Environment: Essays in Livelihood, Dwelling, and Skill*. London: Routledge, 2000, 465 pp.
- Kovalev G. F., ‘Narodnaya astronomiya v govorakh russkogo i ukrainskogo pograniichya (Voronezhskaya oblast)’ [Folk Astronyms in Dialects of Russian–Ukrainian Border (Voronezhskaya Oblast)], *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta (Gumanitarnye nauki)*, 2002, no. 2, pp. 39–53. (In Russian).
- Landes D. S., *Revolution in Time: Clocks and the Making of the Modern World*. Cambridge: Harvard University Press, 1983, 482 pp.
- Latyshev I. N., Svirlova A. K., Simonov R. A., ‘Analiz astronomicheskikh dannykh pskovskogo kalendarja XIV v.’ [Analysis of Astronomical Data of Pskovian Calendar of 14th Century], *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of Department of Old-Russian Literature]. Leningrad: Nauka, 1983, vol. 37, pp. 184–187. (In Russian).

- Le Goff J., *Pour un autre Moyen Âge: Temps, travail et culture en Occident*. Paris: Gallimard, 1977, 422 pp.
- Mumford L., *Technics and Civilization*. New York: Harcourt, Brace & Company, 1934, 495 pp.
- Rut M. E., *Russkaya narodnaya astronomiya: Uchebnoe posobie* [Russian Folk Astronymics: Manual for the Teaching]. Sverdlovsk: UrGU, 1987, 68 pp. (In Russian).
- Simonov R. A., ‘Sakralizatsiya vremeni na Rusi’ [Sacralization of Time in Rus], *Drevnerusskaya kosmologiya* [Old-Russian Cosmology]. St Petersburg: Aleteya, 2004, pp. 316–359. (In Russian).
- Thompson E. P., ‘Time, Work-discipline and Industrial Capitalism’, *Past and Present*, 1967, no. 38, pp. 56–97.
- Tolstaya S. M. ‘Schet i chislo v narodnoy traditsii: semantika, otsenka, magiya’ [Count and Number in Folk Tradition: Semantics, Valuation, Magic], *Semiotika i informatika* [Semiotics and Informatics]. Moscow: VINITI RAN, 2002, is. 37, pp. 43–58. (In Russian).
- Toporov V. N., ‘Chislovoy kod v zagovorakh (po materialam sbornika L. N. Maykova “Velikorusskie zaklinaniya”)’ [Numerical Code in Charms (Based on Materials of L. N. Maykov’s Collection “Velikorusskie zaklinaniya”)], Sveshnikova T. N. (ed.), *Zagovornyy tekst: Genezis i struktura* [Charm Text: Genesis and Structure]. Moscow: Indrik, 2005, pp. 194–246. (In Russian).